

Денис Громогласов

Маскарад

Денис Громогласов

Маскарад

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Громогласов Д. С.

Маскарад / Д. С. Громогласов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

История о некоем городе в параллельной Вселенной, где общество, с подачи власти, вынуждено носить маски, влияющие на эмоциональные и поведенческие черты и контролирующие их. Но, как известно, все рано или поздно меняется... Профессор Светилин объявляет войну маскам и тем, кто их создал! Вот только насколько далеко он готов зайти в этой борьбе? На помощь профессору приходит журналист и помощник главного редактора - Павел Иудин, у которого, бесспорно, имеются свои планы на данное исследование.

© Громогласов Д. С., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Денис Громогласов

Маскарад

Часть 1.

Глава 1.

В параллельной Вселенной, так сильно похожей на нашу, в это самое время происходил один очень интересный разговор.

– Bravo! Поздравляю Вас, Александр Алексеевич! – говорил тот, кто был поменьше ростом. – Но вы особо не зазнавайтесь. Я говорю про Ваше исследование. Я уверен, оно перевернёт наше понимание о всей жизни, о всём мироощущении и существовании. И, безусловно, оно отразится даже на властных полномочиях этого диктатора...

– Тсс! – резко прервал говорящего Александр Алексеевич. – Нас могут услышать, как вы этого не понимаете, Иудин! Здесь даже у стен есть уши, уж простите меня за мой речевой стереотип. Особенно в последнее время ситуация резко ухудшилась. Раньше наш район патрулировало три отряда охраны, а теперь уже восемь! Такими темпами скоро и редакцию могут закрыть. А если я принесу этот черновик, то всё! Пиши пропало! Посадят, как в том году профессора Борского! А потом скажут, мол, учёный, натура тонкая, сам по-тихому головку в петельку вставил...

– Так Борский разве не сам себя? – Иудин от удивления даже подпрыгнул на месте и, как бы нечаянно, хлопнул в ладоши.

– Только никому не рассказывайте об этом! А то и это нам припишут на могильной плите.

– Профессор, я буду молчать. Но Ваше исследование про маски, оно меня так сильно потрясло, что всю прошлую ночь я от волнения не спал. И даже, когда утром собирался идти в редакцию, чуть было не забыл натянуть маску «Трудыги». Хорошо, что перед выходом глянул мельком в зеркало!

– Осторожнее надо, Иудин! – заметил профессор. – Все, ладно, пора идти, а то через пару минут тут будет обход. Гвардейцы и так не в настроении.

– Вы абсолютно правы, Александр Алексеевич! Пора по домам! До завтра!

– До завтра, Иудин.

Из-за чёрного угла огромной высоты проскользнуло две тени. Одна пошла в сторону Тихвинского бульвара, а другая, немного постояв, направилась к набережной реки Надежда.

Первой тенью был Павел Иудин – сын одного, ныне покойного бизнесмена города и помощник главного редактора научно-популярного издания «Маскарад». Будучи молодым тридцатилетним мужчиной, он добился больших высот на службе в редакции. Обладая мягким характером и спокойным нравом, он, тем не менее, вызывал уважение и даже страх у своих подчиненных. Не зря, видимо, они «за спиной» называли его «Многоликий».

Второй тенью был Александр Алексеевич Светилин – один из самых выдающихся ученых города. Он был заведующим кафедрой в Главном Городском Университете. Помимо преподавательской деятельности Светилин много времени уделял исследованиям, многие из которых вошли в учебники и сборники по самым разным направленностям. Светилин был высоким, статным мужчиной пятидесяти трёх лет с прямыми чертами лица и короткими волосами лунного цвета. Когда он сидел в своём кабинете и принимал посетителей или преподавателей со студентами, на его переносице красовались узкие очки с золотой оправой, которые подчеркивали его благородство и делали взгляд более проницательным.

Будучи абсолютно спокойным и хладнокровным в любой ситуации, идя по набережной, Светилин все же чувствовал некое смятение. Как и Иудин он понимал, что те данные, которые у него были сейчас на руках, представляют не только научное, но и общечеловеческое значение.

Как получились эти данные, Светилин даже сейчас не совсем понимал. Впоследствии он будет говорить, что они были посланы ему Богом. Несмотря ни на что, в его душе всегда теплился огонёк, а в эту ночь из маленького угля родилось небольшое пламя. Александр Алексеевич шёл крупным шагом по набережной и, скрестив перед собой руки, судорожно повторял: «А я знал! Я всегда знал, что они люди, а не механизмы!»

Глава 2.

Утро встретило жителей города серыми тучами и мелким морозящим дождём. В приемной губернатора города уже негде было расположиться, хотя часы только пробили девять. Кого только не было в этой тесной комнате. В числе просителей здесь оказались и бедные граждане, оказавшиеся в трудном финансовом положении и надевшие маски «Отчаяние» и «Грусть», и богатые сановники в масках «Властолюбие» и «Надменность».

Наконец, к толпящимся в приёмной вышел секретарь губернатора и объявил фамилию просителя, которого приглашали в кабинет губернатора.

– Самсонов, проходите! – огласил с важным видом секретарь и тут же скрылся за толстой дубовой дверью. А в след за ним к двери направился Самсонов – один из просителей, пожилой мужчина лет шестидесяти, плотного телосложения.

Представ перед губернатором, Самсонов подобострастно скрестил руки на своём большом животе и как бы пропел: «Спасибо Вам, отец родной, что нас не забываете!»

Губернатор вытянулся и только причмокнул от удовольствия губами.

– Продолжайте! Что у Вас? Что Вы хотите от губернатора? – стал говорить человек, стоящий позади большого кресла, в котором расположился губернатор.

– Да, я вот только с жалобой... – мямлил Самсонов.

– Что? Да как ты смеешь? Да кто ты такой? Пошёл прочь! Выкиньте его! – взревел губернатор, резко вставая с кресла – у него что, маска «Подчинения» плохо прикреплена?

– Но я, простите, я вот только... – кричал Самсонов, которого уже почти вывели за дверь.

– Нет, я так больше не могу. Эти людишки меня с ума сведут. Я уже чувствую слабость. – говорил губернатор своим помощникам, стоящим рядом с его креслом. Он немного отклонился на спинку кресла, а потом снова выпрямится и, подняв со стола маску «Величие», одел её себе на лицо. – Зовите следующего.

Следующим посетителем оказался юноша из церковной школы. Он неторопливо зашёл в кабинет и стал рассматривать его с видом неподдельного любопытства. И хоть на нем была маска «Грусть», он все-таки был несколько оживлённым и заинтересованным, что не могло не разозлить губернатора.

Стоит отметить, что кабинет градоначальника был настолько большим, что больше напоминал тронную залу. В самом углу и была та самая дубовая дверь, через которую заходили просители. Посередине кабинета было свободное ото всего место, а стулья, вышитые шелками и украшенные золотом, стояли по краям и напоминали часовых, охраняющих правителя. В противоположной от входной двери стороне красовался небольшой, но довольно богато выделанный журнальный столик, на котором лежало пара стопок бумаг с приказами. А неподалёку от стола возвышалось огромное кресло, ножки которого были сделаны из дерева, а верхняя часть из премиальной кожи коричневого цвета. Вся эта обстановка напоминала приемные тронные залы у представителей влиятельнейших династий Вселенной. Естественно, что главной фигурой, главным действующим лицом при всём этом был губернатор. Обычно, его лицо прикрывала маска «Величие», а из прорезей для глаз всегда шёл какой-то таинственный, тусклый свет. Когда же губернатор был без маски, его фигура всегда находилась в затемнении. Для этого прислуга намеренно выключала часть ламп в кабинете. Но тем не менее некоторые из тех, кто был у него на приеме все же поговаривали, что это седой, пожилой и очень сутулый мужчина

лет пятидесяти пяти с желтыми от частого курения трубки зубами. Многие задавались вопросом о настоящем имени губернатора, ведь на его двери красовалась табличка «градоначальник и достопочтенный раб своего народа». Таким образом, не называя ни имени, ни своей фамилии губернатор был по-настоящему скользкой фигурой в городе. Все, что было известно из его прошлого, так это то, что он имеет взрослого сына, умного и воспитанного юношу лет тридцати и жену, которая никогда не выходит из дома, а появляется с мужем исключительно на двух праздничных церемониях в году: на день города и на день городского флага.

Но, чтобы более не томить читателя, вернёмся к странному, на первый взгляд, юноше, который посетил губернатора.

– Что тебе надо? – спросил губернатор молодого человека, продолжавшего рассматривать кабинет и даже чуть прохаживаться по нему.

– На днях вы приказали посадить в тюрьму двух молодых аспирантов – моих товарищей...

– Они без письменного разрешения устроили митинг около моей резиденции – перебил юношу губернатор и подал сигнал человеку, стоящему сзади него. Через минуту в его рту дымилась изящная небольшая трубка и от этого маска «Величие» сидела на губернаторе ещё органичнее и таинственнее.

– Так вот – продолжил юноша – мои товарищи борются за свободный город!

– Свободный от кого?

– От власти, которая поработщает народ.

– Ох, молодой человек. Дерзким быть – это, конечно, неплохо для молодого и неопытного в подобных делах парня. Я сам был таким когда-то. Но не забывай, что ты делаешь, а, самое главное, перед кем ты говоришь такие слова. И почему ты снял маску «Грусти»? Ведь твои дружки как раз в таком положении, когда за них стоит возносить молитвы к небесам и просить их, чтобы я смилостивился.

– Последнее, что я буду делать, так это простить у Вас одолжения, достопочтеннейший диктатор!

– Ах так! – вскрикнул губернатор, со злобой бросая трубку об пол. – В таком случае, молодой человек, я вынужден приказать, чтобы вас арестовали, и немедленно.

Пока на полу догорали угольки табачной смеси, двое стражников под руки вывели юношу. Они не слушали, как он с жаром произносил речь, ставшую бы великой, но в другой Вселенной и при других обстоятельствах. Стражники провели его через несколько длинных коридоров и спустились в подвал. Они открыли решетку одной из камер и с силой бросили юношу на холодный и грязный пол этой невзрачной «клетки». Безразлично ко всему они закрыли засов и, поправив свои маски «Подчинение», отправились обратно охранять своего господина. А из клетки доносились громкие крики: «Вы за это заплатите! День народной мести уже близок! Помните! Спите, открыв один глаз, ибо, если закроете его, то вас убьют!»

Пока стражники расправлялись с непокорным революционером в зал к губернатору был приглашён Главный изобретатель масок и местный олигарх, благодетельствованный градоначальником, Павел Петрович Сивцов. Войдя в кабинет, он скорчил подобострастную мину и чуть ли не бегом, с поклонами и ужимками, направился пожимать руку своему защитнику. Сивцова в народе не любили, писали письма в Общественный Совет города, чтобы его сняли с поста. Но Совет на это только «разводил руками».

– Достопочтеннейший господин губернатор! Позвольте выказать Вам своё уважение и очарование – пропел Сивцов своим басом, на мгновение поднимая свою маску и утирая платком лоснящийся от пота лоб.

– Павел Петрович, ближе к делу, дорогой. А то время близится к обеду.

– Но сейчас нет и одиннадцати?

– Неважно, говорите.

– Драгоценнейший наш кормилец, я, собственно, с докладом к Вам пожаловал. Готов биться об заклад, Вам это понравится.

– Ну и что же такое ты покажешь мне? От чего я тут должен рассыпаться в улыбке и похвале? – язвительно заметил губернатор.

– Ох, батюшка. Простите, за такое длительное вступление. Просто волнительно уж больно – как бы сокрушительно говорил Павел Петрович, то и дело отирая уже намокшим платком лицо и шею. Все это время он стоял перед губернатором в маске «Заискивание», самой толстой из всех масок. И лишь на время протирки лица чуть-чуть отодвигал её. Если бы он этого не делал, можно было предположить, что этот человек никогда с ней не расставался.

– Не томи, Павел Петрович! И что ты всё отираешься? На так уж у меня тут жарко.

– Я волнуюсь очень, говорил же Вам, наимудрейший Вы наш, защитник земли государственной. Я, собственно, с чем пожаловал. Вот бумаги принёс новые. И новый прототип маски для народа и Вашего ближайшего круга.

– Что за маска? – холодно сказал губернатор, но глаза его зажглись ярким огнём и от нетерпения и неподдельного интереса он заерзал на своём троне.

– Маска называется «Смирение», о градоначальник наш величественнейший! Человек, надевший её, готов смириться со всем, что с ним происходит.

– Поясни-ка!

– К примеру, господин мой дражайший, вздумается какому-то смутьяну посягнуть на власть Вашу священнейшую. Вы, безусловно, справедливейшим образом расследуете это дело и, совместно с Городским Судом, примите вернейшее решение казнить негодяя...

– Так так, продолжай!

– И Ваше великое решение будет очень праведным, но семья, друзья и последователи этого смутьяна могут навредить, да Боже упаси, Вашему величию и мудрости! И в таком случае мы насильно или по их же согласию оденем на их бесстыдные серые лица маску «Смирение», разработанную вашим покорнейшим слугой. И смуту, прости нас Господи, как «рукой сняло», все мыслишки их дурные выйдут в миг из головушек их необразованных.

– И сколько таких масок уже сделано – осведомился губернатор, явно довольный «подарком» своего вассала.

– На данную минуту, господин мой милосердный, три тысячи.

– Этого очень мало, Паша! Мало! Нужно ещё тысяч сорок, пятьдесят, а лучше триста. Да, триста тысяч масок – величественно произнёс губернатор и, немного подумав, добавил – Да, и доработайте крепление! А то спадёт у смутьяна какого-нибудь в самый неподходящий момент!

– Само собой разумеется, о разумнейший мой начальник.

– Срок Вам две недели!

– Но величественнейший...

– Ты слышал, Павел. И сколько на это удовольствие надо будет выделить из казны?

– Два миллиона, Ваших царственных монет.

– Ладно, скажешь моему Главному казначею, чтобы тебе деньги выдали. Бумагу подпишете сами. А теперь иди!

– Слушаюсь и повинуюсь – пропел Сивцов тем же басом, что и в начале, и начал медленно спиной двигаться к выходу с теми же поклонами и непонятными ужимками.

Губернатор, с виду обрадованный новой технологической новинкой гениев порабощения, все же погрузился в раздумье о Сивцове. «А стоит ли доверять этой собаке? Ведь он меня за три корейки продаст. Как только почувет воздух свободы сразу же и переметнется» – таковы были мысли губернатора в эту минуту.

Вскоре из приёмной в залу вошёл секретарь и спросил губернатора, будет ли он сегодня принимать оставшихся просителей, коих набралось уже более сотни.

Если бы только знали эти бедные люди, что более половины из них за свои мысли и прошения могут поплатиться жизнью. Только за один день, проведённый без маски, они обязаны были выплатить в казну более трёх тысяч монет, при средней зарплате в десять-пятнадцать тысяч. Однако имелся ещё один вид заработка. К примеру, если гражданин исполнительно носит маску «Грусти» в течении двух месяцев, снимая её только когда он спит, то ему, по прошествии этого срока, выплачивается пять тысяч государственных монет. Ещё можно было работать в, так называемой, «общественной разведке». Суть работы заключалась в донесении на знакомых и коллег. Если кто-то из них забыл одеть маску или же недобрым словом отзывался о губернаторе, то такого человека ожидало только одно – смерть! Но, чтобы общество не взбунтовалось, судьи напрямую не провозглашали смертные приговоры, а сообщали семье узника, что его ожидает вечное заключение в пригородной тюрьме (резервации) особо строгого режима. Как правило, узники искренне верили, что милостивый губернатор и суд действительно не собираются их казнить. Поэтому, прощаясь с близкими в зале суда, они их целовали, успокаивали, но никогда, ни разу даже не упоминали о том, что будут казнены. И городское общество жило в твёрдой уверенности, что все преступники справедливо наказаны.

В общество методично вселялось мнение, что преступник не человек, преступник – это враг. В него плюются, в него больше никогда не поверят. И по многим из них уже давно плачет виселица, но по великому милосердию власть предержавших такие «недочлены» общества изгнаны в тюрьму, где и трудятся на благо граждан. На самом же деле спецмашины, наполненные до отказа политзаключёнными ехали не в резервацию, а сворачивали в специально отведённое место для казни. Трудно сказать, бывал ли на этих «представлениях» лично губернатор со своей прислугой, но Генеральный Прокурор, противный старикашка лет шестидесяти пяти, с завидной регулярностью посещал эти мероприятия. Иногда, компанию ему составляли Главный Советник Губернатора и Главный Городской Судья, но кое-какие подробности об этих личностях нам ещё предстоит узнать, а пока стоит вернуться в кабинет губернатора, оставленного нами без должного внимания.

Гигантские старинные часы, стоявшие в приёмной губернатора, с громким раскатистым звоном объявили присутствующим о том, что наступил полдень. Секретарь губернатора с помощью нескольких охранников пытался разогнать собравшихся, то и дело повторяя одну фразу: «Достопочтенный господин губернатор больше не принимает! Приходите завтра к десяти утра!» Но слова секретаря постоянно смешивались с криками и руганью, царившими в помещении. И только, когда в кабинет ворвались несколько гвардейцев с оружием, посетители притихли и стали расходиться, поправляя свои маски и пожимая плечами. Через некоторое время на столе секретаря зазвонил телефон. Он поднял трубку и услышал голос губернатора: «Зайди-ка ко мне». Секретарь положил трубку и подчинился приказу начальника.

– Вы меня звали?

– Да. Ты всех присутствующих в приёмной внёс в учётную запись?

– Само собой разумеется, господин губернатор. Кстати, звонил Ваш сын.

– Александр? Мой драгоценный мальчик, моё наследие!

– Так точно, он просил меня передать, что совсем скоро он приедет в город. У него для Вас специальный подарок.

– Интересно, что же такого он мне может подарить? У меня есть власть, деньги, народ...

– Он привезёт Вам реликвию первого царя Вселенной.

– Неужели? Сосуд желаний.

– Так точно, господин губернатор.

– Ладно, можешь идти.

– У вас будут ещё приказы на сегодня?

– Ах да, я и забыл про всё с этим сосудом. Передай начальнику моих стражников – гвардейцев, чтобы он совместно с тайной полицией установил слежку за каждым недовольным,

за этими негодяями, посмевающимися перечить моему указу. За всеми, кто не хотел расходиться. Сдаётся мне, мы можем узнать много интересного про этих граждан. – губернатор говорил это, потирая руки и растягиваясь в своём кресле.

– Всё будет выполнено в абсолютной точности, господин губернатор.

– Можешь идти!

Секретарь ушёл, а губернатор закурил трубку. Все его мысли сейчас занимал лишь сосуд желаний. Он уже представлял, как будет держать его в руках, стоя на трибуне Главной площади. А народ, который будет стоять со всех сторон, торжественно приклонит перед ним головы. И им уже не нужны будут маски, ведь послушание будет идти из самого сердца, из недр поработанной души.

Глава 3.

В редакции журнала «Маскарад» уже с утра был переполох. В печать не вышел очередной номер, ответственным за который был назначен Павел Иудин. Стоит отметить, что за последние три дня никто в редакции его так и не видел, хотя искали с «особой тщательностью».

В дверь главного редактора судорожно стучала помощница Иудина, молодая студентка журфака, отправленная в издательство на практику. А так как курить её вызвался Иудин, то на все время практики студентку приставили к нему набираться опыта и журналистской смекалке.

– Войдите – недовольным голосом пробасил главный редактор.

– Альберт Николаевич, можно? – спросила студентка, осторожно просовывая свою милую головку в дверной проём, и, не дожидаясь ответа, вошла в кабинет и затараторила примерно следующее – Мне тут, это, Павел Иудин звонил, помощник Ваш. Вы только дослушайте. Он несётся. Сюда. Со всех ног. Ничего толком он мне по телефону объяснить не смог. Не получилось у него. Ладно, ближе к сути. Сказал, что через час приедет и лично к Вам, на ковёр, с докладом. Говорит, что все эти дни не ел и не спал, бегом бежит! Со всех ног.

– А как давно он звонил?

– Где-то минут двадцать назад.

– И ты все это время молчала? Господи, и где вас только набирают? – проревел главред и подскочил на стуле.

С этого самого разговора переполох в редакции сменился ожиданием. Редакция ждала Иудина.

Главный редактор, первые десять минут, носился по редакции, отдавая различные распоряжения, касаемые, в основном, того, что материал, который принесёт его помощник должен быть готов к восьми вечера. А с завтрашнего утра уже пойти в печать. Параллельно этому он звонил своим партнерам и спонсорам, все время повторяя: «Сенсация, говорю Вам! Их гаджеты взорвутся от этой мысли! Их затянет волна, да что там волна, целый информационный шторм, имя которому – журналистская бомба». По правде говоря, Альберт Николаевич даже и в мыслях себе не представлял, какая информация может быть у Иудина и что с ним, почётным главредом, за это могут сделать. А ведь именно в таком случае незнание от наказания не спасает, наоборот, оно служит лишь поводом, чтобы сгноить ещё одного человека.

Прошло где-то чуть больше часа с того момента, как студентка зашла к главному редактору, а Иудина все не было. В помещении царил тишина, и только одиноко висевшая лампа издавала какие-то неприятные звуки. От этого обстановка казалась ещё более значимой и торжественной. Все чего-то ждали.

Вдруг на улице раздались крики. Все, естественно, бросились к окну, чтобы узнать, что же такого там произошло. Оказалось, гвардейцы тащили какого-то молодого парня, на лице которого не было маски, а за ними со слезами и криками бежала пожилая женщина, по-види-

тому, мать этого молодого человека. В тот момент, когда она набросилась на одного гвардейца, а он, в ответ, ударил её прорезиненной дубинкой, в дверь редакции и вошёл Павел Иудин.

– На улицах сегодня неспокойно, поэтому я с заднего входа вошёл. – спокойно сказал Павел, как будто «сам себе», и грациозно сел на мягкое кресло.

На него тут же устремись десятки глаз коллег, начальника и студентки.

– А! Паша! Как же, ждали тебя, ждали. Только что так долго?

– Альберт Николаевич, лучше пройдемте к Вам в кабинет, информация очень секретная!

– Прошу, Пашенька, заходи! – сказав это, главный редактор открыл Иудину дверь в свой кабинет.

Войдя в кабинет начальника, Иудин тут же бросился проверять все углы и коробки на наличие прослушивающих устройств.

– Паша, что ты делаешь? – спросил Альберт и стал трепать Иудина по плечу, пытаясь его остановить.

– Информация очень важная! Ставки очень высоки! – ответит тот, не останавливаясь. И, только когда Иудин полностью убедился, что «кабинет чист», он грузно опустился в кресло.

По его лицу и вязким движениям можно было определить, что он три дня занимался какой-то сверхтяжелой мыслительной работой. Казалось, будто бы он находится в полном изнеможении и вот-вот потеряет сознание. И, действительно, несколько минут он сидел, покачиваясь и глубоко вздыхая. Его глаза были открыты, но в них виднелась лишь пустота.

«Да он и впрямь «Многоликий». Сидит без маски, а, такое ощущение, что на нем их несколько десятков. Вот прохвост! Время тянет» – думал главред, который уже успел сесть за свой стол и, опираясь лицом на кулак, стал следить за каждым движением Иудина. Иудин все молчал.

– Ну. Ты раскроешь уже, наконец, свой суперсекретный материал? – не вытерпев, спросил Альберт Николаевич.

– Терпения мой друг, терпения! – ответил Павел многозначительно.

– Я итак ждал слишком долго – озадаченно сказал главред, как бы намекая, что пора уже «раскрыть карты».

Иудин, словно прочёл мысли своего начальника. Он открыл глаза, надел маску «Озабоченность» и, пододвинувшись к начальнику настолько близко, насколько это было возможно стал говорить:

– Туз! Самой высшей масти! Козырной! Представьте дорогой вы мой Альберт Николаевич, что завтра вы проснетесь совершенно в другом мире...

– Это как так? – перебил главред, выпучив глаза от удивления.

– Очень просто. Скажем, все в Вашем мире, в мире всех граждан поменяется в высшей, если можно так сказать, степени.

– Продолжайте Иудин! Мне нравится это начало.

– Сначала я бы хотел с Вами договориться. Без договора продолжать разговор бессмысленно! – вдруг резко прервал начальника Иудин и отодвинулся от стола, подобно человеку, которому принесли невкусную еду.

– Чего же ты хочешь?

– Список прост: беспрепятственный выезд из города, весь пакет документов и два миллиона городских монет.

– Что же это за новость такая?

– Больше я ничего Вам не скажу! Ни слова не пророню, Альберт Николаевич, хоть пытайте.

После этих слов Иудин резко поднялся, но силы уже покинули его. Он качнулся и упал без сознания.

– Срочно! Скорее зовите медиков – прокричал главный редактор, открыв дверь. А, немного погодя, взял портфель Иудина и стал копаться в бумагах. Но ничего более – менее намекающего на сенсацию он там не нашёл. Разозлившись, он бросил портфель на пол, а сам вышел из кабинета за кофе.

Как только главред вышел из кабинета, Иудин открыл один глаз и, улыбаясь, прошептал: «Не такой человек Павел Иудин, чтобы хранить материал масштаба атомной бомбы на клочке бумажек! Фи, ненадежно! В голове, в головушке все храню! Три дня не спал, не ел, а наизусть запомнил! Голову то поди не отрежут! Бумагу сжечь можно, а голову я вам, братцы, просто так не отдам!» Закончив свой никому не слышный монолог, он закрыл глаз и прикинулся, что все ещё находится без сознания.

Вошедшие в кабинет главреда медработники положили Иудина на диван, который стоял около стены, и поднесли к его носу что-то наподобие нашатырного спирта. Иудин очнулся.

В дверном проеме кабинета уже толпились сотрудники редакции во главе с Альбертом Николаевичем.

– С ним можно поговорить? – нетерпеливо спросил главред врача.

– Ни в коем случае! Ваш товарищ, по всей видимости, сильно переутомился. Ещё два – три дня ему будет нужен полный покой! И никаких разговоров про работу.

– Спасибо, я понял. – учтиво ответил врачу Альберт, а сам про себя подумал: «Тебе это так просто с рук не сойдёт, Многоликий. Подумать, два миллиона! Тридцать монет тебе цена, не больше!»

Глава 4.

Профессор Светилин точно также, как и Иудин все три дня с момента их последней встречи, не находил себе место. Только за последний день он пятнадцать раз менял код на сейфе, который находился в его квартире. Ведь именно в нём лежало то, что по мнению Иудина должно было переменить весь мир.

На работе Светилин никому не говорил о своих открытиях. Боялся, что некоторые, особенно старательные коллеги, лояльные власти, могут донести на него в Комитет Тайной Полиции. А исход этого дела Светилин знал наверняка.

В тот день, когда Иудин пришёл в редакцию, Светилин занимался научными работами в своём кабинете.

В три часа дня в дверь раздался звонок. На пороге стояла дочка Светилина.

– Привет, папочка!

– Привет, милая! – сказал Светилин, жестом приглашая дочь войти.

– Всё в трудах праведных?

– Именно родная.

Светилин помог дочери снять пальто и, с отцовской заботой и нежностью, обнял и поцеловал дочку.

– Проходи на кухню, я поставлю чайник.

– Обожаю твой чай с мятой. – сказала Юля и прижалась к папиному плечу.

Дочь и отец сели пить чай.

– Ну что, папуль? Какие новости на работе? Что-то ты бледный, небось, опять ночи за книжками проводишь. – заметила дочка.

– В делах праведных и научных я ночи коротаю, как ты уже заметила. – ответил Светилин с любовью глядя на дочь – А ты как? Лучше давай о тебе поговорим. Как твоя командировка в соседнем городе прошла?

– Прошла и прошла, что о ней говорить...

– Дочка, мне кажется или ты мне что-то недоговариваешь?

– Не знаю, как и начать. – Юлия по-детски качнулась на стуле. – Только обещай мне, что выслушаешь и поймёшь меня. Или хотя бы попытаешься понять.

– Говори же! Я весь в нетерпении.

– Мне уже двадцать четыре, но у меня толком не было серьёзных отношений. Все это время я посвятила науке. Но наука детей не приносит, папа. В общем, если кратко, в том городе я встретила свою судьбу.

– Я жду подробностей и немедленно. – сказал Светилин, строго глядя на дочь.

– Он замечательный, папа! Такой умный, но очень несчастный.

– А у этого несчастного хоть имя есть? Или он настолько несчастен, что не имеет даже собственного имени. – в шутку отметил Александр Алексеевич, уже успевший сменить «гнев на милость», понимая, что дочь все-таки права насчёт серьёзных отношений.

– Его зовут Александр, повторяю, он очень замечательный.

– Такое имя носят только победители. Ты готова к тому, что всю жизнь вы будете с ним соревноваться?

– А с чего вот ты взял, что это на всю жизнь?

– Кто знает. Я лишь знаю свою дочь, которая ещё недавно была малюткой. – заметил профессор – Но, я уверен, если ты говоришь, что «встретила свою судьбу», то так оно и есть, ибо ты меня никогда не обманывала.

– Это так, папочка! – сказала Юлия, засмеявшись. – Главное, себя не обмануть. – Она наклонилась к чашке, а на её щеках выступил девичий румянец.

– И где же вы познакомились? – спросил Светилин и, поднеся кружку чая ко рту, громко отхлебнул.

– В отеле. – ответила ему дочка, продолжая по-детски покачиваться на стуле. – Мы были соседями по номерам.

– Продолжай, мне уже интересно. Подлить чаю?

– Да, если можно. Так вот, в первый раз мы повстречались в коридоре на этаже, где я остановилась. Мы прошли тогда мимо, даже не подумав, что являемся связующим звеном друг для друга, оберегом и символом счастья! – проговорив это, Юлия выпрямилась, а на её прекрасном девичьем лице изобразилось то святое чувство, которое испытывает человек всего несколько раз в жизни – чувство бесконечной и преданной любви.

– Красивое начало. – заметил профессор – Но не кажется ли тебе, что уж слишком старомодно для наших дней. Я имею в виду вот ту самую «искру», о которой ты сейчас говоришь, ту самую первую минуту, которую ты только что описала.

– В любви нет понятия «старомодно», как мне кажется, – заметила дочь профессора.

– Ладно, тогда продолжай, я хочу послушать, как моя дочь наполнила своё сердце огнём, а разум – смыслом.

– Только на следующий день после той встречи, которая так и осталась им незамеченной, мы познакомились. И, если первая встреча мимолетной, то вторая осталась в наших сердцах навечно.

– Хм. Прости, подавился. Продолжай.

– Я, как обычно, шла к себе в номер после очередной конференции и увидела его. Он сидел на полу, облокотившись на стену и тихо плакал. На нём была маска «Страдание». С этого момента и началось наше с ним знакомство.

– Какая удивительная штука! – не без интереса проговорил Александр Алексеевич – Обычно молодые люди утешают девушек, а не наоборот.

– Я его и не утешала. Не люблю испытывать жалость. Мы просто разговорились. Я его пригласила к себе и целую ночь мы пили чай и общались.

– И в чем же причина страдания этого юноши?

– В том, что у него жестокий отец.

– А сколько ему лет? – спросил профессор.

– Не знаю, около тридцати, наверное. Да я, собственно, об этом его и не спрашивала. Мы говорили абсолютно о других вещах.

– И о чем же, позволь спросить?

– О причинах его тяжёлого, подавленного состояния. Не знаю, что и добавить перед началом своего рассказа о моем молодом человеке. Скажу лишь то, что он очень хороший человек, загнанный силой обстоятельств не то, что в угол, а на самый край обрыва.

– Не томи, дочь. Начинай уже свой рассказ! – сказал профессор и пересел в мягкое кресло, откинувшись на спинку.

Юля также последовала примеру отца и пересела в рядом стоящее кресло. Устроившись поудобнее, она начала рассказ про своего парня:

«Когда я обнаружила Сашу в таком плачевном состоянии, мне очень захотелось ему помочь. Мы толком даже не познакомились, как он уже оказался в моем номере. Не пойми превратно, но это не был разговор между мужчиной и женщиной, это было что-то совсем другое, не похожее на флирт. Его голова лежала у меня на коленях, и я гладила его густую копну волос так, как матери успокаивают своих детей, увидевших во сне кошмар или полностью отчаявшихся в жизни. Саша стал рассказывать о своей жизни, родителях, обо всем, что так или иначе было связано с его нелегкой судьбой. Отец его – крупный чиновник в нашем городе, идеолог современной мысли. Не знаю, кто именно из тех чиновников, кто имеет отношение к идеологии, работая в администрации губернатора. Но это и не особо важно. Саша описывает его очень точно и даёт ему характеристику жесткого, последовательного во всех действиях человека. В молодости его отец участвовал в свержении короля и даже имел некое отношение к убийству принца Дмитрия, совершённое почти тринадцать лет назад. Александр тогда был ещё подростком и всей душой радел за дело отца. Тогда ему казалось, что его семья и отец, как её глава, помогают обществу, избавляя его от жестокости и политической беспомощности царизма. Сашенька был тогда полностью за отца. Он рассказывал, как тайком от матери сбежал на демонстрации, где выступал его отец. Там на Триумфальной площади, которая теперь носит название Площадь Справедливости в те годы собирались выдающиеся идеологи и революционеры того времени. Король их не разгонял, считая митингующих лишь кучкой оборванцев, по спинам которых не мешало бы пройти палкой. А тем временем на площади с каждой новой такой встречей собиралось все больше народу, недовольного политической атмосферой в стране и столице. И каждый раз отец Александра готовил все более пламенную речь. Его родитель не был рождён в нашей столице, а приехал издалека, именно поэтому ему приходилось нелегко в поиске соратников по правому делу. Саша вспоминал, лёжа у меня на коленях, как отец по ночам перед выступлениями запирался в своём маленьком, напрочь прокуренном кабинетике, и готовился к очередной речи. И вот, в один знаменательный для нашего города день на Триумфальной площади после речи отца взмыли вверх чёрные флаги восстания. За три кровавых дня в нашем городе изменился режим. Царизм пал и на его место пришла олигархия. Следующие три года городом управлял Иван Бескорыстный. Отец Александра был у него советником, но только первые полгода. Потом их пути разошлись. А через два года на той же самой площади вновь поднялись флаги восстания. Мой Саша, которому тогда было уже двадцать лет, как председатель студенческой общины, вывел на ту площадь всех студентов. Но олигархия так просто не сдалась, в отличие от хоть и жесткого, но в то же время аморфного царизма. К тому же олигархи на примере позорно убитой королевской семьи знали, что они будут следующими. Да и не было у них «божественного иммунитета», которым ранее наделялись короли, называвшие себя «хранителями божественной истины». Долгие два месяца шли ожесточенные бои. Студенчество и бедняки с «чем попало» в руках сражались против регулярной армии и полиции. Когда начались брожения в рядах силовиков и многие стали отворачиваться от олигархов произошло знаменательное событие. Устрашенные возможным поражением

Иван Бескорыстный и его собраты решили «пригнать» в город свою наемную армию. Те же не знали пощады и бились за самое простое, что только могли придумать люди. Не за идеалы и светлое будущее, как бедняки и студенты. Наемники бились за деньги. В воскресный день в город со стороны Восточных ворот под бой барабанов и бряцание амуниции вошла пятитысячная наемная армия... Через два дня её остатки были изгнаны из города. Причиной тому послужило то, что отец Александра через знакомых в администрации Бескорыстного нашёл склад, где хранились основные сбережения последнего, разумеется, в золоте, тем самым обескровив власть. Наемникам не смогли заплатить, и они попросту разбежались. А, уже через месяц суд, завершил следствие и Бескорыстного казнили на Триумфальной площади, там, где некогда он сам восседал на королевском троне. В первое воскресенье второго месяца его возвели на подмости. Казнь осуществлял народный суд во главе с революционером Коршниром. Народ притащил на площадь объедки и журналы с изображением Бескорыстного и, когда бывший глава города предстал перед ними, в него полетели принесённые «угощения». Казнь продолжалась около двух часов. Саша был там и уверяет, что Иван Бескорыстный уже был мертв, когда его вздергивали на виселице. По крайней мере он даже не барахтался и не бился в конвульсиях. А на следующий день в журнале с названием, кажется, «Маскарад» вышла статья с названием: «Трусливая гнида скончалась от страха или нами правят слабаки». В той статье были фотографии мертвого Бескорыстного и людей из его шайки в самых что ни на есть пикантных подробностях. Но опустим эту неприглядную мерзость. После расправы над очередной правящей верхушкой города отец Саши занял в администрации города очень высокий пост. Может быть он стал советником нашего нынешнего губернатора или же был втайне назначен Главным идеологом. Точно ни Саше, ни тем более мне это неизвестно. В первые дни нового режима были провозглашены семнадцать новых указов. Самым значимым по мнению Саши является указ «О создании дружественной администрации молодёжной дружины по управлению городом и обеспечению гражданского порядка». В те дни в эту дружины хотели все. У их членов были большие привилегии, зарплаты. Тогда все молоденькие девчонки выходили замуж только за дружинников. Это считалось «верхом моды на парней», неким эталоном, если хочешь. Сегодня эта дружина преобразована в гвардию и занимается преимущественно слежкой за теми, кто отказывается носить маски. Сашин отец, втянутый в новую администрацию, как я поняла, отвечал и за безопасность города. Новая команда боялась повтора революции и решила через пять месяцев после прихода к власти объявить «режим временной диктатуры». Впрочем, прошло вот уже почти десять лет, а эта «временная диктатура» все не кончается. Но не это важно. В те годы, когда отец Александра, подобно Дон Кихоту, воюющему с ветряными мельницами, сражался с властью предрержащими за правое дело, в их семье была полная идиллия. Но когда его отец сам стал олицетворением власти, все пошло наперекосяк. Самой большой проблемой стало то, что теперь ему не с кем было бороться. С народом? Конечно же, нет. Толпу его отец сдерживал целой пачкой законов, главным из которых был закон «об обязательном введении масок и упорядочивании эмоций и чувств». Именно в это время отец стал приходить домой «мрачнее тучи». Он стал одержим идеей, что не перевелись ещё враги нового политического режима. Вначале отец Саши целыми днями пропадал на работе, а после и вовсе начал срывать на свою жену и сына. Человек, всю жизнь сражавшийся с врагами и побеждавший их, в конце концов, не видя перед собой больше ни одного противника, стал сражаться со своей собственной семьёй. Именно Саша и его мать стали первыми, на ком были опробованы маски «Грусти», «Отчаяния» и «Смирения». Именно их семья была одной из первых, кто прошёл проверку на детекторе лжи и получил свидетельство «Гражданина, довольного властью». После всех этих унижений и переживаний мать Саши серьёзно заболела. Кажется, врачи диагностировали у неё невроз. С того времени Саша больше не мог смотреть на отца все теми же детскими, вдохновенными любовью и уважением глазами. В тот вечер, когда я нашла его сидящим и плачущим в отеле, он узнал, что пока его не было в столице, отец жестко избил

его мать. Она сама позвонила сыну. Причиной было то, что, когда отец Саши вернулся домой, она забыла одеть маску «Почтения». Озверев от этого, Сашин отец набросился на неё со словами: «Как я могу требовать чего-то от подчинённых и народа, если даже моя тупая жена не относится к законам с должным почтением». Мой парень, папочка, оказался меж двух огней. С одной стороны, отец, которого он все ещё уважает и очень боится огорчить, а с другой – его бедная мать. Такая вот грустная история. В конце хочу лишь добавить, что я крайне рада, что стала для него утешением, в это тяжелое время. Только со мной Саша забывает весь тот ад, который происходит в его семье и нашем городе».

Когда Юля закончила свою пламенную речь, Александр Алексеевич, до этого внимательно слушавший дочь, застыв в одной позе, наконец, встал и стал прохаживаться взад и вперёд по просторной комнате.

– Очень тяжелая судьба у твоего парня. Врагу не пожелаешь... – через пару минут задумчиво произнёс Светилин, потирая рукой подбородок.

– Видимо, нет такого режима, при котором мы все будем счастливы. – добавила Юля, глядя на отца влажными глазами.

Во время своего рассказа она не раз доставала из кармана платок и утирала слёзы.

Вдруг в одной из дальних комнат квартиры Светилина раздался грохот.

– Что это там такое? – встревоженно спросила Юля.

– Ничего особенного. – сказал Александр Алексеевич, стараясь держаться как можно более спокойно и невозмутимо. – У меня гостит одна особа. Скоро всё узнаешь.

– Надеюсь, тебя не придётся вызволять из полицейского участка. – в шутку заметила дочка профессора.

– Я хоть и люблю эксперименты, но до такого пока не дорос. – в той же шуточной форме ответил Светилин, подходя к дочери и обнимая её.

Глава 5.

Странное дело, казалось бы, в наше, довольно продвинутое время общество должно было избавиться от всяких глашатаев и крикунов, но куда там. Уже с самого утра на улицах города со всех сторон не смолкали громкие крики. Светилин направлялся на очередную встречу с Иудиным, которую тот назначил ему в кафе «Смородина», что находится на, уже известном читателю, Тихвинском бульваре. Проходя мимо одного глашатая, он остановился и прислушался к тому, о чем тот вещал. Коротенький глашатай с огромным горбатым носом, прикрытым тряпочной маской, и сильно выпученными глазами оживленно кричал:

– Внимание, внимание! Дорогие сограждане! Не проходите мимо! Слушайте со всем вниманием и пониманием! Сегодня, в третье воскресенье пятого месяца, в нашем городе в три часа по полудни состоится срочное публичное заседание Общественной Палаты Городского Суда на Площади Справедливости. Будет рассматриваться дело троих студентов, выступающих противниками Великого Губернатора и его непревзойденной справедливости. Всем интересующимся надеть маски «Осуждение» и «Интерес» и прибыть на площадь для того, чтобы засвидетельствовать степень невежества этих юношей.

Немного передохнув и поправив маску «Трудяги», сделанную из грубой тряпки, глашатай добавил:

– Дорогие сограждане! Также всем, кто придёт на Площадь Справедливости с огромной скидкой будет продана новая уникальная разработка наших передовых учёных! Это изящная маска из самого качественного латекса с новыми переработанными креплениями.

Пока глашатай продолжал рекламировать новое чудо – изобретение, Светилин уже успел отойти от него на приличное расстояние. В его голове были самые противоречивые мысли. Вихрь размышлений бушевал в светлой голове профессора уже очень давно. Там было много занятных идей и чувственных упреков, относящихся как непосредственно к хозяину мыслей,

так и к жителям всей Вселенной. Профессор с одной стороны винил их в собственной беспечности и беспомощности, а с другой стороны сочувствовал им и был готов любить их всем сердцем.

Но сегодня такие мысли были не ко времени, и профессор это очень хорошо понимал. К тому же, он уже успел подойти к кафе, в котором Иудин назначил ему встречу. Войдя в помещение, Светилин сразу увидел Павла. Зрелище было более чем комичным.

Иудин прибыл в кафе «Смородина» задолго до появления Светилина. Он заказал себе смородиновый чай и пирожное. Когда он прикончил пирожное и добрался до чая, его охватило сильное волнение и даже страх за свою жизнь. В это время около кафе проходили двое гвардейцев в масках «Послушание» и «Исполнительность». Они на секунду остановились около кафе и посмотрели через окно на посетителей. На мгновение их взгляд остановился и на Иудине. Тот, в свою очередь, прихлебывал чай и глядел по сторонам. Когда он увидел стражей порядка, его лицо под маской искажилось от ужаса.

Гвардейцы уже давно отделились от кафе и направлялись к Главной Площади, а Иудин так и смотрел в окно, остолбенев от ужаса и от мысли возможного ареста. «Да, это тебе не главного редактора вокруг пальца обводить, эти церемониться не будут. В точности, как с профессором Борским... В точности, как...» Иудин прикрылся меню и стал как будто сползать под стол. Посетители кафе начали косо смотреть на него и даже тихо перешептываться между собой. В этот самый момент Светилин как раз и вошёл в кафе. Подойдя к столику, где сидел его товарищ, профессор громко поздоровался:

– Здравствуйте, Иудин!

– Тише, тише профессор! Конечно, здравствуйте, но все же! Вашими громкими словами вы нас погубите!

Профессор молча пожал плечами и сел напротив Павла.

– Почему вы решили встретиться именно здесь, если хотели тишины и спокойствия?

– Так было надо! – многозначительно ответил Иудин.

– Зачем эта встреча? Не буду скрывать от вас степень моей озабоченности.

– Я хочу ещё раз взглянуть на ваше исследование, профессор. Или даже не так. Мне нужна копия. Разумеется, все это будет анонимным.

– Вы же помните, Иудин, что я просил вас никому об этом не говорить. Редакцию могут постичь большие неприятности, если будет даже намёк на эту монографию.

– Уже был.

– Что вы говорите? – от гнева и удивления лицо Светилина покраснело, а на лбу выступила пульсирующая жилка. Но все это скрывала маска «Интерес». Хотя по тону голоса Иудин догадался о степени озабоченности профессора.

– Не переживайте и не горячитесь. Пока главный редактор Альберт публикует прогосударственные статейки, мы защищены более чем.

– Хочется верить, Иудин, хочется верить.

– Будьте покойны, пока они не знают смысла и значения того, что вы исследовали, они подобны спящему дракону. А разбудить его очень и очень непросто.

– Он уже давно проснулся, Иудин! Как же вы этого не понимаете! Сегодня он уже проснулся и изрыгает пламя на всех, кто, по его мнению, может бунтовать. И что это за ребячество? Когда я вам дал взглянуть на свой черновик, я и подумать не мог, что вы так вцепитесь в это...

– Не в это, не в это... – перебил профессора Иудин. – А в эту... В эту правду – чуть запнувшись, произнёс он.

– Я поэтому все это и исследовал.

– Но это знание не принадлежит только вам. Это не ваша собственность, об этом должны узнать истинные владельцы правды – народ.

А посетители кафе все больше косились на Иудина, но теперь он этого не замечал. Всё его существо сейчас было подчинено только одной идее – убедить профессора дать материал в печать.

– Народ должен знать – повторил Иудин и впери́л свой взгляд прямо в лицо своего товарища. И даже маска «Трудяги», надетая на него в эту минуту, не могла удержать этот тяжёлый и вместе с тем вдохновлённый взгляд.

– Вы правы. Правы тысячу раз. Я помню ваше лицо без маски, Иудин, когда вы тайком читали мой черновик. Помню, как однажды, поздно вечером, стоя на углу одного из зданий мы всё это обсуждали. Я помню ваш взгляд, против которого не одна маска не властна. Помню ваше тяжёлое дыхание, когда ваш мозг переваривал эту информацию...

– В память о тех моментах! В память о наших встречах, профессор! – снова перебил товарища Иудин. – Ради всего этого. Ради всего священного, если хотите. Профессор, я умоляю Вас.

– Хорошо – наконец сдался Светилин, понимая, что его товарищ уже все давно решил. – Вы помните то, что там написано?

– Каждую строчку! Каждый завиток на той помятой бумажке!

– Тогда зачем же вам копия?

– Я хочу снова ощутить прилив той непреодолимой энергии.

– Вы можете напечатать, но если вам вдруг взбредёт упомянуть фамилии...

– Упаси... Ни за что!

– Ладно, нам пора расходиться. Мы с вами тут болтаем и спорим, при этом толком ничего не заказав. Это может выглядеть подозрительно. Кстати, как чай? – спросил профессор, стараясь увести мысли Иудина подальше от исследования.

– Изумительный, это их фирменный напиток, если можно так сказать.

– Ещё бы! Смородиновый чай в кафе «Смородина» – стараясь держаться спокойно и даже беззаботно, заметил профессор.

– Вы сейчас куда? – не без интереса спросил Иудин.

– Я пойду на площадь Справедливости. Сегодня там будет жарко.

– Я с вами! – ни минуты не колеблясь, выпалил Иудин. – Только одно условие! Мы пойдём разными дорогами и встанем с разных сторон площади.

– Вы хоть знаете, что там будет? – с усмешкой спросил Светилин.

– Там будет жарко, вы сами сказали, профессор. – простодушно ответил Иудин.

– К тому же, по дороге сюда я наткнулся на парочку крикунов. – не без удовольствия добавил Павел – Будет жарко, но кому-то потом резко станет холодно...

– Дальше можете не продолжать. – сказал Александр Алексеевич.

– Так что же мы медлим, профессор! Пора в путь.

Двое посетителей расплатились и вышли из кафе. Тем временем на площадь Справедливости уже начал прибывать народ.

Площадь Справедливости, наряду с Главной и Торговой площадями города, являлась одной из основных достопримечательностей города. Помимо серьёзного политического значения, она была связана с многочисленными любовными историями. Однажды, на этой площади, которая тогда ещё носила название Триумфальной, один молодой художник писал портрет прекрасной дамы. За время своей работы он настолько полюбил красавицу, что отважился сделать ей предложение. Однако та посмеялась над ним и публично отказала ему, ссылаясь на его низкое происхождение и небольшой доход. Отчаявшийся художник своей кровью написал имя любимой на этой площади. Эта кровавая и, вместе с тем, интересная история безнадежной любви была символом площади ровно до тех пор, пока на ней не стали происходить серьёзные политические потрясения. Новая власть не просто переименовала её, но и изменила её назначение. Если на Главной площади губернатор устраивал торжественные церемонии, а на

Торговой располагались магазинчики и велась торговля, то площадь Справедливости служила для проведения, так называемых «публичных судов».

В это воскресенье на площади был очередной суд, куда и приглашался народ. Об этом писали газеты и электронные табло, висевшие на каждой улице. Кто-то узнавал об этом от знакомых и друзей, кто-то от крикунов. Но на «публичную расправу» всегда был спрос. Если человек, которого застали за действиями против власти и задержали, будет выставлен на «открытый суд», то для него это означает только одно. Конец. Его убьют. Физически или социально, не суть важно. Умрет личность или тело, не имеет значение. И кто его убьёт, как вы думаете? Власть? Суд? Очевидно, нет. Его убьёт толпа криками «предатель», «мразь», «вздерните его». И даже, если такой осуждённый останется жив, то до конца жизни в снах к нему будут приходить эти привидения в масках «Осуждение» и «Интерес».

Наверняка, вы думаете, что человек, стоящий перед судом и толпой сможет оправдаться. Он может сказать: «Простите меня! Я был неправ, это всего лишь моё заблуждение!» Или: «Это мое мнение, и вы должны его уважать!» Ну или хотя бы: «Постарайтесь меня понять! Мне больно! Мне страшно! Я боюсь!» Но нет. Он может говорить все что угодно, ведь демократия великого народа даёт ему на это право. Но, увы, все это тщетно. Тщательно проработанная маска «Осуждение», в большинстве своём, откладывает серьёзный отпечаток на личность всех присутствующих, каждого, кто находится в толпе. Так было всегда, во все времена.

Ивана Бескорыстного убила не новая власть и не новый суд. Его убил собственный народ. Он умер не от петли правосудия, а от страха и ужаса того, что с ним сотворили те, кто ещё совсем недавно присягал ему на верность. Кто должен был боготворить и охранять его, подражать ему и восхищаться его величием. Бедняга наивно полагал, что сможет вновь купить их верность и на первых порах кричал: «У меня ещё есть золото и деньги!» Но, когда в него полетели продукты и журналы с его изображением, он понял, что все уже давно кончено. Что его судьба предрешена.

Настало новое время! Время открытых судов и «прозрачных» приговоров. Настал век истинной демократии. Век, где каждый считает себя центром вселенной, в которой существует.

Наступило третье воскресенье пятого месяца. Наступило три часа. Площадь была переполнена. Светилин еле протиснулся в первый ряд и с оживлённым интересом наблюдал за происходящим. В этом ему помогала маска «Интереса».

– Расступитесь!

Под крики и цокот в центр площади, где уже стояла заранее заготовленная открытая сцена, въехала кучка гвардейцев-кавалеристов. Они спустились с лошадей, отвели их в сторону к специально отведённому месту и присоединились к другим гвардейцам. Вскоре на сцену стража вывела троих заключённых. Одного из них мы уже, кажется видели. Да, точно! Он был на приёме у губернатора, куда пришёл заступиться за своих соратников.

Все трое были студентами. Учились они, кажется, в духовной семинарии. Изучали «Основной идеологический закон». И, по всей видимости, с чем-то были несогласны.

Вот на середину сцены вышли секретарь губернатора, Верховный священник в ослепительной одежде и Главный судья. Каждый из них обратился к народу со своей речью. Секретарь губернатора представлял абсолютно-исполнительную власть губернатора и зачитал преступникам и народу послание главы города. Верховный священник представлял власть духовную и его речь была пропитана миролюбием к власти и почтённым смирением. Главный судья представлял законодательную власть и произнёс окончательный приговор по делу. Все речи были восприняты народом с невиданным ликованием. Только двое, кроме осуждённых, понимали весь ужас ситуации. Этими людьми были профессор Светилин и редактор Иудин.

Первая речь была самой короткой. Откашлявшись, секретарь подошёл к стойке с микрофоном и тоненьким голосом стал вещать:

«Уважаемые сограждане! Я секретарь нашего великого губернатора! Я пришёл сюда для того, чтобы проследить за исполнением его воли и его правосудия. Хочу зачитать вам послание нашего достопочтенного главы!»

Далее, снова откашлявшись, секретарь стал читать с бумажки послание губернатора:

«Уважаемые и дорогие моему сердцу сограждане, собратья! С глубоким огорчением довожу до вашего сведения, что в нашем городе завелись черви, точащие подножие нашей вертикали. Этими червями оказались те трое юношей, которые предстали перед вами на этом открытом суде. Они, подобно химерам, впились в наше государство и, словно пиявки, сосут нашу кровь! Такого быть не должно! Они оскорбили своим отказом от масок не только меня! Они оскобили наши устои, наш устав и наше самосознание! Своим видом, вселяющим в меня отвращение, они пытаются доказать, что, разрушив наши идеалы, они в один миг сделают нас свободными! Знайте же, что это обман! Это лишь иллюзия! На самом деле они хотят завладеть вашим умом и вашими сердцами! Не дайте же им это сделать! Никто не уйдёт от справедливости, так как они, преступив наши законы раз, сделают это и снова! Дети мои! Братья мои! Совершите справедливый суд на площади, названной этим именем! Я ваш раб и правитель! Ваш покорный слуга и исполнитель народной воли. Ваш губернатор».

В ответ на послание губернатора, толпа загалдела. Послышались выкрики «Не дадим!», «Не допустим!», «Химеры, черви, гады ползучие».

Следующим говорил Верховный Священник:

«Любовь – это священный дар, которым Бог наделяет весь мир в целом и каждое существо в отдельности. Ромашка, лютик и человек – все они являются созданиями Творца. И жили бы они в мире и согласии, но нет. Небеса посылают нам счастье и избавление от недугов, радость и любовь. Но и Подземелье не дремлет. Нечистый проникает в светлые души и умы и отравляет их ядом сомнения. Отравленный человек неспокоен. Он не хочет видеть добро и чудо Божие! Он видит только одно! Тьма застилает его взор. Орудием Нечистого и выступают эти молодые юноши! Они, подобно змею, проникли в нашу духовную академию и своими речами развратили студентов и послушников. Они вселили им ужасную и никак не обоснованную идею, что маски никому не нужны! Я, ваш Верховный Священник и посланник Божий, истинно говорю вам, что это козни Нечистого. Если человек начнёт жить так, как ему хочется, а его чувства станут неконтролируемыми, то он сразу же окажется в руках Нечистого! Тогда уже будет поздно что-либо менять! Поэтому носите маски! Носите и благодарите своего главу за то, что способствует вашему очищению и избавлению от Нечистого. Предайтесь в руки губернатора, вверьте ему свой ум и сердце, и вы узрите истину. Только контроль и отказ от беспорядочности эмоций и чувств может стать истинным спасением! Только так вы сможете войти в мир Вечный! Вы – агнцы, паства! Вы – проявление Божией милости и миролюбия! Они, эта троица – плод Нечистого! Не дайте им себя одурачить! Не дайте им предать имя Божие и имя главы города на поругание».

Когда Верховный священник закончил говорить, толпа снова загудела. Снова кто-то стал кричать: «Не дадим!», «Не допустим!», «Плоды Нечистого», «Бесовы дети», «Змеи, развратники».

Последним выступал Главный Судья:

«Верховный суд города и совет при губернаторе по противодействию революционных движений постановил.

Признать троих студентов духовной академии города виновными в совершении инкриминируемых им преступлений и отречь их от духовного сана «младший студент – послушник».

Признать действия студентов намеренными и осмысленными.

Признать данное преступление угрозой нынешнему общественному и государственному порядку.

Вменить данным личностям их преступления и осудить в соответствии со статьями «Обязательность масконосительства», «Нарушение общественного порядка» и «Государственная измена».

За данные нарушения и причинённый обществу вред осудить их и заточить в крепость на сорок лет.

Огласить решение суда и совета перед народом на площади Справедливости в третье воскресенье пятого месяца.

Изменить меру пресечения в том случае, если граждане города посчитают наказание недостаточным».

Главный судья зачитал приговор и, отойдя от микрофона, присоединился к секретарю и Верховному священнику.

Через три минуты осуждённым, которые были помещены в специальную клетку, также стоявшую на сцене, поднесли микрофон. Объявили процедуру «последнего слова». Они много говорили. Очень долго. Может быть час, может больше. Самую красноречивую речь произнёс тот самый молодой человек, который приходил на приём к губернатору. Он, кажется, уже говорил что-то подобное стражникам, его охранявшим.

Молодой человек высунул лицо из клетки и со слезами любви и сострадания к народу стал говорить. Его голос дрожал, а глаза искрились любовью. И даже маска «Преступника» не могла запятнать эту любовь и желание освободить людей от бремени масконосительства:

«Люди! Опомнитесь! Что же вы говорите. Вы обезумели от этих масок. Возродитесь! Будьте фениксами! Докажите, что ещё можете быть способны на истинную справедливость и сострадание.

Неужели вы не понимаете, что вас водят за нос, подобно скоту. Вы забыли все святое и доброе. Вы не живете. Вы лишь существуете. Но вас нету. Вы не являетесь людьми в полном смысле этого слова!

Докажите, что вы способны любить!

Вы можете сделать с нами все что угодно, но это не отменит той истины, о которой мы говорим. Мы в ваших руках. Теперь ваш черед. Ваш ход. Покажите нам, на что вы способны! Покажите, что вы не стадо бизонов, готовое растоптать нас прямо на этой сцене, а люди, готовые улыбаться и творить милосердие!»

Молодой человек замолчал. Пока он говорил, кто-то пытался его перебить. Некоторые кричали: «тебе нас не обмануть». Находились даже такие, кто отваживался швырять в них продукты. Глядя на все это, Светилин сразу вспомнил расправу над Иваном Бескорыстным.

Наконец, Главный судья задал контрольный вопрос:

«Какая мера наказания, по-вашему, должна быть применена по отношению к этим предателям?»

Народ с минуту помолчал, как бы раздумывая. На самом деле, ответ уже знали все. Первые крики раздались совсем скоро. «Казнить! Казнить их всех, чтобы другим слугам Нечистого неповадно было!».

Гвардейцы по приказу Главного судьи стали раздавать собравшимся гражданам листы бумаги и карандаши. Каждый пришедший на площадь должен был написать на бумажке свой приговор.

Когда на часах, висевших на площади, стрелки пробили пять часов, голосование закончилось. Администрации пришлось потратить сорок минут для того, чтобы посчитать голоса.

Итог был таков: три тысячи семьсот восемьдесят человек высказали соображения о том, чтобы незамедлительно казнить всех троих предателей. Почти на всех лицах этих людей была маска «Осуждения». Двести шестьдесят три человека выступило за ссылку предателей и заточение в тюрьму. На лицах этих горожан была маска «Интереса». И только десять человек про-

сили суд о помиловании. Не трудно догадаться, что это были члены семьи молодых осуждённых.

После подсчета голосов и оглашения результатов голосования Главный судья распорядился о том, чтобы на сцену водрузили три виселицы. Гвардейцы старательно исполнили приказ судьи и уже через полчаса машины для убийств были готовы.

В семь часов вечера трое молодых людей были казнены. Держались юноши достойно. Когда им закинули петли на шею, ни один мускул на их лицах не дрогнул. Увы, но этого никто не заметил. И только предсмертные конвульсии известили нас о том, что это были не железные герои, а самые обычные мальчишки.

Когда казнь завершилась, секретарь губернатора подбежал к микрофону и, опьяненный от ужасного зрелища, прокричал фальцетом:

– Чтобы Нечистый нас более не одолевал, оставим – ка тела этих неучтивых предателей, этих бешеных собак висеть здесь целую ночь, чтобы другим не повадно было!

– Благословляю! – пропел Верховный священник.

– Законом не возбраняется! – вторил Главный судья.

– Да будет так! Поддерживаем! – прокричали многие из толпы.

– Да здравствует губернатор! – в унисон сказали все собравшиеся.

– Ура! – взвыли гвардейцы.

И только тела мертвых мальчишек не издавали ни звука, лишь мерно качались на ветру.

Когда наступила ночь к виселицам подобралась небольшая группа людей, одетых в мрачные серые плащи с капюшонами. Они сняли висевших и аккуратно уложили в старую машину. Отъехав несколько километров, они остановились и понесли тела в поле, которое было рядом. Чуть позже они выкопали три могилы и осторожно опустили в них тела. Усердно помолвившись, они закопали умерших, убрали лопаты в багажник, сели в машину и уехали в неизвестном направлении.

Глава 6.

Итак, перед нами снова редакция журнала «Маскарад». Однако, на этот раз Иудин заходит с парадного входа и кажется всем присутствующим человеком с «огоньком в глазах». Безусловно, блеск его глаз был. Ещё бы. Дня два – три назад он встречался с главным редактором, и тот недвусмысленно намекнул Павлу о том, что уговор ещё в силе. Паша даёт материал, главред – деньги и возможность безопасного выезда. Но всё это было пока только на словах, и поэтому Иудин до сих пор сомневался. А, как известно, сомнение – не самый добрый советчик в делах. Да и Светилин был сильно обеспокоен последними событиями, в частности, казнью на площади.

Прошло несколько дней с момента казни. За это время государственная машина успела выпустить несколько новых декретов и законов. Также было введено ужесточение на использование масок «Любовь» и «Страсть». Теперь гражданам разрешалось только три часа в неделю использовать эти маски. Наверное, читателю интересно, а как именно чиновники отслеживали ношение масок. Во-первых, вся система масконосительства была основана на наказании и подчинении. Но, в некоторых случаях, предполагались и денежные компенсации. За ношение масок «Подчинение» и «Трудяга» гражданам выплачивали ежемесячные надбавки и премии к заработным платам. Во-вторых, ношений масок отслеживалось с помощью специального датчика, встроенного в каждую отдельную маску. При городском совете числился целый отдел, который насчитывал более пятисот человек, работающих с данными, по ношению масок.

Но не будем углубляться в бюрократическую систему города, которая была столь обширна, что даже губернатор не знал наверняка, сколько отделов находится в его подчинении, так как счёт шёл на сотни, а, может быть, даже и на тысячи отделов.

Иудин пришёл в редакцию с материалами Светилина в четвертую пятницу пятого месяца. До этого он целый день набивал их по памяти на своей печатной машинке. И хотя у него было несколько компьютеров, он доверял такого рода информацию только машинке. Причина этого казалась Иудину простой. Компьютер можно было отследить, а вот машинку – вряд ли.

Альберт Николаевич, по своему обыкновению, находился в своём кабинете и изучал очередную номер журнала, который вот-вот должен был выйти в печать.

– Здравствуйте, гражданин главред! – громко поздоровался Иудин, войдя в кабинет и поправив маску «Трудяги».

– А, Иудин! Какие новости? – спросил Альберт, и маска «Начальник» на нем зашевелилась. Видимо, он улыбался.

– Новости... А, есть новости... Казнили молодых людей на площади! – как бы забыв о недавнем договоре, вдумчиво произнёс Иудин.

– Предателей! – поправил его главред.

– Предателей, предателей. Я бы не осмелился...

– Знаю, Иудин, что вы – наш! Правильный человек с безупречной репутацией.

– Но хочется встряски! – по – хулигански заметил Иудин. – Я счастлив, что наша система власти практически безупречна. А маски, маски – это же чистый гротеск! Какой латекс, какие изящные формы!

– Гротеск? Я об этом не думал.

– Вот вам одна мыслишка – сказал Иудин и подал главреду монографию Светилина. – За это я и хочу деньги и свободу.

Увесистая кипа бумаги оказалась прямо перед носом Альберта Николаевича. Он посмотрел на неё и озабоченно заметил:

– Это целый научный труд, такое количество материала даже в десять выпусков не вставишь...

– Есть выдержки, да и, к тому же, я мог бы взяться сегодня же за редакцию материала.

– Было бы неплохо.

– Но, только в том случае, если первая часть денег поступит на счёт...

– Разумеется, Иудин, разумеется, голубчик!

– Хорошо, завтра вечером сокращённый и выдержанный вариант статьи будет у вас.

– Беритесь за это прямо сейчас, Иудин!

– Хорошо, тогда до свидания! – сказал Иудин и уже собирался выйти из кабинета. Около двери он остановился и добавил:

– Я только жду от вас завтра с утра свою, так сказать, премию. Ну, в общем, Альберт Николаевич, вы поняли. Да, и завтра вечером, пожалуйста, подготовьте мне документы. После всего этого я, пожалуй, возьму отпуск, скажем, за свой счёт.

– Как угодно, Иудин. Только дайте мне сенсацию, фишку, огонёк.

– Будет завтра огонёк, Альберт Николаевич! Будет.

Десять часов понадобились Павлу для того, чтобы перелопатить весь материал Светилина. После тяжёлой работы, которую он кончил в пять утра, он позвонил Александру Алексеевичу. Ему ответил заспанный голос профессора:

– Аллю! Кто это?

– Профессор! Это Иудин. Павел Иудин. Звоню вам для того, чтобы решительно сказать. Всё готово!

– А что так рано звоните? – ответил все тем же заспанным голосом Светилин, видимо, не до конца понимая, о чем идёт речь.

– Я ночь не спал, профессор. Занимался редактированием вашего труда. Хочу повториться и заметить, что он прекрасен!

– Спасибо, спасибо Иудин. Пришлите копию!

– В этом нет нужды, профессор. Уже завтра материал поступит в печать и выйдете новым выпуске журнала.

– Принесите вашу редакцию! Иудин, это не шутка. Мы должны вместе проверить. Вдруг, вы что-то упустили.

Уже через два часа Иудин находился в квартире Светилина. Профессор расположится в мягком кресле и принялся читать редакцию Павла. Его взгляд был напряженным. Элегантные очки в тонкой золотой оправе то и дело двигались на напряженном лице Александра Алексеевича. Он был без маски и можно было детально рассмотреть его лицо, чем собственно Иудин и занимался.

«Какой пытливым взгляд! Какие прямые черты лица. Как хорошо все это взаимосвязано!» – думал Павел и радовался про себя, что знаком с таким человеком.

Наконец, спустя двадцать минут, Светилин закончил изучение материала и одобрительно качнул головой.

– Иудин, вы хорошо потрудились. Но меня серьезно беспокоит ваше состояние. Хотя я редко вижу лицо, но ваша телесная слабость...

– Не волнуйтесь, профессор. Выспимся и отдохнём позже. Сейчас не время, вы это лучше меня понимаете!

– Разумеется, когда должен выйти в печать этот выпуск?

– Сегодня вечером. Завтра утром он поступит в продажу. Выдержка из вашей монографии будет на последних страницах, чтобы лишним раз не привлекать внимание государственных чиновников. Но не переживайте, профессор, пыливый читатель с легкостью доберётся до этих страниц и внемлет вашим мыслям.

– Хочется верить, Иудин! Хочется верить.

– Верьте и будет вам дано! – не без иронии заметил Иудин.

– Я вам доверяю, Иудин. Как будет подписана работа?

– Светлый человек и добрый друг.

– Так длинно?

– Зато полностью отображает вашу суть. – заметил Павел.

– Хорошо. Кстати, Иудин, хотите сюрприз?

– С удовольствием, профессор. – Иудин заёрзал на кресле и стал потирать руки. – Только вот чем вы меня удивите?

– У меня в гостях сейчас одна особа, которая имеет непосредственное отношение к моему исследованию.

– Уже становится интересно, профессор. Но где она? Представьте её уже наконец!

– Только обещайте, что никому не расскажите, особенно главному редактору.

– Профессор, я – могила!

Светилин встал, прошёлся к двери, из которой недавно его дочь услышала грохот, достал из кармана халата ключ и открыл дверь.

– Сюзан, вы можете выйти! Не бойтесь! – спокойно и учтиво сказал профессор.

Из комнаты вышла молодая девушка с красивыми волосами и удивительно интересным лицом. Разумеется, она была без маски.

– Иудин, знакомьтесь, это Сюзан Бэнкс. Эта девушка живет у меня уже около месяца.

– Здравствуйте, я Павел, друг и преданный поклонник Александра Алексеевича. – сказал Иудин и подошёл к девушке, чтобы пожать руку. Он с интересом рассматривал черты её лица.

Оно было сказочно красивым. Можно даже осмелиться и предположить, что носить такое красивое личико под маской является настоящим преступлением.

– Но что делает такая прекрасная девушка у вас в гостях? – нетерпеливо спросил Иудин и пытливо посмотрел на профессора. – Или вы её держите в плену? – сказав это, Павел усмехнулся.

От слова «плен» девушка вздрогнула. Увидев это, Иудин виновато опустил глаза, а профессор спокойно ответил:

– Наоборот, мой друг. Я спас её от возможного плена и грядущей смерти. Поэтому Сьюзан вынуждена жить у меня и быть затворницей.

– Но что же произошло? – не унимаясь, интересовался Иудин, при этом продолжая нагло рассматривать девушку.

– Я бы мог рассказать вам о том, как Сьюзан оказалась у меня. И с радостью это сделаю. Но начать нужно с того, что эта девушка очень для меня ценна.

– Разумеется! – с восхищением проговорил Иудин.

– Итак, с чего бы начать... – как бы в раздумьях, начал Светилин.

– Может быть, с самого начала, когда я оказалась в руках у этих людей... – робко добавила Сьюзан, впервые что-то сказав с того момента, как в квартире Светилина появился его товарищ.

– Спасибо Сьюзан! – тепло ответил профессор и начал своё повествование.

«Сьюзан Бэнкс не просто мой дорогой друг и гость. Она мой самый настоящий помощник. Эта замечательная девушка, в бывшем студентка нашего Городского Университета, до некоторого времени работала на фабрике по производству масок, в отделе, занимающимся усовершенствованием маски «Смирение». Той самой используемой и популярной маской в народе, наряду с масками «Трудяга» и «Осуждение». До самого последнего момента, она работала в кабинете с обычной аппаратурой. И, действительно, всем своим сердцем верила в то, что маски – это самое полезное изобретение человечества нашей Вселенной, а точнее нашего города за последнее время. Но вот наступил день, когда Бэнкс пригласили в специальную засекреченную лабораторию. К тому времени она уже проработала полгода в этой организации и получила код доступа «В». То, что предстало тогда перед её глазами, повергло её в глубочайший шок. В просторной и жутко холодной комнате было много столов, за которыми сидели сотрудники лаборатории. Напротив каждого из них находился абсолютно голый человек, подключённый к различным мониторам и датчикам. На них одевали белые силиконовые маски и, через несколько минут, снимали их. После этого сидящие громко плакали и закрывали лицо руками. Они делали это так, будто бы стыдились своего лица. Некоторые, в исступлении пытались сорвать кожу и царапали её с неистовой силой. Тогда-то Сьюзан и поняла, что эти приспособления должны заставить людей ненавидеть собственное лицо. Однако, когда на них снова одевали маски, они успокаивались и тело их расслаблялось. Такое состояние было чем-то похоже на транс. Несколько дней Сьюзан не появлялась на работе, а после пришла в отдел и подала прошение на увольнение. Его приняли, но после этого ей стало казаться, что за ней следят. Вначале, она думала, что это просто паранойя, и все это она выдумала сама. Но вскоре её схватили гвардейцы под предлогом, что она мало носит маски и недостаточно уважает власть. Приговор ей выдвинули быстро и отправили на пожизненное заключение в одну из тюрем, находящихся за городом. Когда машина, переполненная заключёнными, съехала с дороги в сторону какого-то леса, Сьюзан поняла, что приговор её вовсе не заключение. Она с жадностью всматривалась в маленькую дырку в брезентовом фургоне. Наконец, перед её глазами показались очертания людей. Фигуры медленно росли. Вот, за их плечами уже начали виднеться автоматы или ружья. Вот, наконец, фургон остановился, и начальник конвоя приказал солдатам выводить заключённых из фургона по одному. Их вывели из большой машины и поставили у какого-то высокого забора, напоминавшего стену бывшего дома. Перед ними, перед каждым заключённым выросла фигура гвардейца в блестящей металлической маске «Подчинение». Наконец, раздался приказ. «На плечо!» «Готовься!» «Целься!» «Пли!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.